

Способы верификации сообщений: достоверность и ее маркеры

УДК 82-343

DOI: 10.28995/2658-5294-2020-3-3-14-27

«Очевидное – невероятное»: лексические средства изображения мистической ситуации в достоверной прозе

Виктория А. Черванёва

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия; Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Москва, Россия, viktoriya-chervaneva@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается характер изображения в устных мифологических рассказах ситуации контакта человека с мифологическим персонажем или явлением с точки зрения оценки говорящим ситуации по степени достоверности. Основным методом исследования является семантический и контекстуальный анализ лексики со значением физического восприятия и вербальных средств, выражающих отношение говорящего к сообщению по шкале «достоверность/недостоверность». Кроме того, используется сопоставительный анализ с лексикой сказок как текстов иной модальности. Исследование показало, что в мифологических нарративах наблюдается особая маркированность сообщения о мистическом событии – как событию, факт которого может быть подвергнут сомнению и которое, следовательно, воспринимается как невероятное. Мифологическая проза, в отличие от сказки с ее установкой на вымысел, насыщена средствами выражения оценки степени достоверности, причем показатели частотности этих слов значительно превышают общеязыковые. В мифологических рассказах представлены значения обоих концов шкалы достоверности и все описанные в лингвистике типы выражения говорящим оценки своего состояния знания о мире – ситуации простой, категорической и проблематической достоверности.

Ключевые слова: мифологический рассказ, модальность, установка на достоверность, семантический анализ лексики

Для цитирования: Черванева В.А. «Очевидное – невероятное»: лексические средства изображения мистической ситуации в достоверной прозе // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2020. Т. 3. № 3. С. 14–27. DOI: 10.28995/2658-5294-2020-3-3-14-27

“Obvious – incredible”. Methods of describing of a mystical situation in mythological narratives

Victoria A. Chervaneva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia; viktoriya-chervaneva@yandex.ru*

Abstract. The article discusses the features of the image feature of the situation when a person contacts a mythological character or a phenomenon in oral mythological stories from the point of view of the speaker's assessing the situation by the reliability degree. The study was conducted by the method of semantic and contextual analysis of perceptual vocabulary and verbal units expressing an assessment of reliability of the message. A comparative analysis was also used for the vocabulary of the fairy tales as texts of another modality. The study showed that the message of a mystical event in mythological narratives is especially marked, because it is an event the very reality of which can be questioned and which, therefore, is perceived as incredible. In mythological prose, unlike a fairy tale, the means of expressing an assessment of the reliability degree are very frequent, and the frequency of those words is much higher than in the general language. In mythological narratives, the values of both ends of the reliability scale are presented with all types of expressions for the speaker assessing his state of knowledge of the world, described in linguistics (situations of simple, categorical and problematic reliability).

Keywords: mythological story, modality, reliability mindset, semantic analysis
For citation: Chervaneva, V.A. (2020), “ ‘Obvious – incredible’. Methods of describing of a mystical situation in mythological narratives”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 3, no. 3, pp. 14–27, DOI: 10.28995/2658-5294-2020-3-3-14-27

Содержательную основу устных мифологических рассказов составляет описание контакта человека с персонажами или явлениями, оцениваемыми рассказчиком как сверхъестественные, мистические, потусторонние. Это явления, которые получают объяснение и интерпретацию не через рациональное познание,

не через чувственно наблюдаемое и эмпирически проверяемое, а через верования, через опору на предварительные, исходные ментальные установки и допущения.

Отражение в мифологических рассказах актуальных верований не отменяет представления о необычности описываемых событий, и именно поэтому эти истории вызывают эмоции страха и удивления у говорящих и слушающих, что отмечено исследователями этого жанра [Померанцева 1968, с. 286; Померанцева 1985, с. 174; Толстой 1995, с. 279; Разумова 1993, с. 6; Левкиевская 2008].

Эти особенности содержания текстов в сочетании с присущей им установкой на достоверность обуславливают актуальность вопроса о вербальных средствах, создающих текстовую модальную рамку такого рода. Задачами нашего исследования было выявление круга лексических «маркеров достоверности» в мифологических текстах и анализ их употребления.

Материалом для изучения послужили мифологические тексты одной тематической группы – о ходячих покойниках – из архива лаборатории фольклористики РГГУ (АЛФ РГГУ¹), а также из опубликованных сборников народной прозы (Зин.², Пух.³, Чер.⁴). Кроме того, для сопоставительного исследования привлекался материал сказок той же тематики – о мертвецах (Аф.⁵, № 351–363, Азб.⁶, №266–276, Зелен.⁷ № 61, 97а; Худ.⁸ № 104, 122; Онч.⁹ № 39, 40, 45, 113, 120, 152, 169, 224, 247, 285)¹⁰.

¹ Примеры из АЛФ РГГУ приводятся с сохранением орфографических особенностей записи источника и с указанием информанта, места и года записи текста.

² Зин. – Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. Новосибирск: Наука, 1987. 400 с.

³ Пух. – Былички и бывальщины Воронежского края: сб. текстов / Сост. Т.Ф. Пухова. Воронеж: Научная книга, 2009. 386 с.

⁴ Чер. – Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и авт. коммент. О.А. Черепанова. СПб.: СПбГУ, 1996. 212 с.

⁵ Аф. – *Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки: В 3 т. 6-е изд. М., 1957.

⁶ Азб. – Народная проза / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С.Н. Азбелева. М.: Русская книга, 1992. 608 с. (Б-ка русского фольклора; Т. 12)

⁷ Зелен. – *Зеленин Д.К.* Великорусские сказки Пермской губернии. Пг.: Тип. А.В. Орлова, 1914. ЛП, 656 с.

⁸ Худ. – *Худяков И.А.* Великорусские сказки. Великорусские загадки. СПб.: Тропа Троянова, 2001. 479 с.

⁹ Онч. – *Ончуков Н.Е.* Северные сказки: В 2 т. СПб: Тропа Троянова, 1998.

¹⁰ В доступных нам архивах не удалось обнаружить современных записей сказочных текстов подобной тематики, чем объясняется

Основным методом исследования послужил семантический и контекстуальный анализ лексики со значением физического восприятия. Выбор такой исследовательской стратегии продиктован идеей о том, что в текстах, содержание которых составляет повествование о визионерском опыте или другом контакте с мифологическим явлением, контексты с семантикой физического восприятия должны нести значительную смысловую нагрузку и отражать представление говорящего о реальности / ирреальности описываемого события.

Путем сплошной выборки было выявлено около 600 контекстов употребления перцептивной лексики в мифологических текстах (262 примера в текстах из АЛФ и более 300 примеров в текстах из сборников мифологической прозы) и 106 словоупотреблений в сказках. Отметим, что прежде всего это лексика визуального и слухового восприятия (примеры вербализации тактильного восприятия единичны), причем лексика зрительного восприятия значительно преобладает в количественном отношении (в 4 раза – в мифологических рассказах, в сказках – в 10 раз).

Систему смыслов, выражаемых перцептивной лексикой, можно структурировать вслед за Ю.Д. Апресяном [Апресян 1995, с. 357] как тернарную оппозицию:

1) 'воспринимать' ('видеть' / 'слышать') – *видеть, увидеть, заметить, замечать, приметить, слышать, услышать, услыхать, подслушать* и др.;

2) 'использовать способность восприятия' ('смотреть' / 'слушать') – *смотреть, посмотреть, подсмотреть, глядеть, поглядеть, взглянуть, заглядывать, оглянуться, уставиться, наблюдать, послушать, прислушаться* и др.;

3) 'восприниматься' ('быть видным' / 'быть слышимым') – *являться, появляться, заявляться, показаться, оказаться, казаться, видеться, привидеться, чудиться, причудиться, мерещиться, примерещиться, слышаться, послышаться, слыхать* и др.

В результате анализа лексики восприятия выяснилось, что в семантической структуре этой лексической группы в мифологических текстах содержится дихотомия «достоверность/недостоверность» – среди глаголов, называющих процесс восприятия, используются не только собственно перцептивные глаголы (*видеть, смотреть, глядеть, замечать* и др.), но и ментальные (*казаться, мерещиться, чудиться, сниться* и др.). Последние

хронологическое несовпадение рассматриваемых корпусов мифологической и сказочной прозы. Тем не менее полагаем, что подобное исследование текстов допустимо, поскольку речь идет не о прямом историческом взаимодействии, а о разных, но сопоставимых структурах.

выполняют функцию не только номинации процесса восприятия, но и интерпретации его результатов – в их употреблении проявляется взгляд нарратора на событие и его оценка события с точки зрения реальности/иллюзорности. Ср.:

У нас вот у Валентина [муж ЗВ] у сестры муш умер, дак вот фсё, гьрят, ходил, фсё ходил. <...> Да, муш ходил: то ей **кажеца**, што он на крыльце среди ночи, то ищё... (инф. ЗНМ, Лимь-Низ, 2006).

Был хозяин и не стало. После того как похоронила, дак меня тожо научили. Тосковала ведь об ём. Так меня научили, что на кладбище... дак говори: «Был Володя, и нету». В туалет пойдёшь и везде: «Был Володя и нету. Был хозяин и нету». Ну я стала говорить, а первое время как долго, до сорокового дня всё, говорила, всё **виделся** он да **казался** (инф. РМП, Казаково, 1998).

У меня свой муж-от, я первово захоронила, ак он фсё время ко мне ходил. <...> Ну сосетку приведу, а чцё сосетка: придёт со мной и уходит. Ей-то не **кажеца** – мне (инф. АВА, Смольянец-Дымковская, 2010).

Последний пример интересен тем, что в нем обозначение *кажется* относится к восприятию явления самим говорящим и используется при описании собственного опыта.

Заметим, что для лексики восприятия в сказках подобная структура нерелевантна – при описании процесса восприятия здесь используются лексемы с прямым перцептивным значением (*видеть, увидеть, видать, увидать, выдывать, смотреть, посмотреть, подсмотреть, рассмотреть, глядеть, глянуть, оглянуться, заметить, приметить, заприметить, слышать, услышать, выслушать, услыхать, почуять*).

Помимо ментальной лексики с семей недостовренности, в мифологических текстах выявляется целый ряд лексических и грамматических средств выражения данной семантики в описаниях ситуации контакта человека с мифологическим персонажем. Прежде всего это конструкции со сравнительными союзами *будто, как будто, как, вроде, вроде как, всё равно что* и др. под. Указанные союзы специализированы в языке для выражения смысла «недостоверность» (Ср.: «союз *будто* (или любой из его многочисленных синонимов; см. § 2777) характеризует содержание сообщения как такое, которое говорящий не признает своим и (или) в достоверности которого сомневается»¹¹). С помощью таких союзов присо-

¹¹ Русская грамматика / АН СССР. Ин-т русского языка; Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 2: Синтаксис. § 2775.

единяются изъяснительные придаточные предложения, сравнительные обороты и отдельные члены предложения (в этом случае союзы переходят в частицы). Ср.:

А вот я вот тут мы только перво-от ночь, когда купили этот дом, сюда пиришли, а у нас тут кровать была. <...> И вот <...> **буто** изба открываица, а я ищё ни заснула. Изба открываица, и заходит Марфа Петровна – хозяйка этого дома [покойная]. И приносит вот тако блюдо – накладино муки. И вот тут лафки у нас были, и она села на лафку, а бапка говорит, ты ни испугайся, а спреси, говорит: «Шо вот это-то вот к худо... с худому ли с хорошиму» (инф. БВС, Кена – Самково, 2008).

[Не бывало такого, что после смерти кажется умерший?] Это мне дак вот, раза два наверное... Он **как будто** живой вот приходил... Ну это я **видела во сне**, но вот **как будь наяву** вот **видела** я, раза два после его, после... (инф. ШВА, Пакшеньга, 2011).

Он [умерший муж] мне так часто **снился**. Квартира у меня была такая большая. Сплю: **слышу вроде** как евоные шаги, ево голос **слышу** всё, очень часто **снился** (инф. РМВ, Кречетово, 1996).

По-мойму, вот, ну говорили, што с тово света приходила старушка. Она уже ф таком пожилон возрастѣ умирла. И потом она приходила **как будто** бы к своим роцвиникам в дом... Ну и она, значит, **как бы** их придупридила, што «Вы не бойтись тово света», што там очинь хорошо, што дажи жись на этом свете как бы... ни такая уш хорошая, как на том, мол. Што все бояца, што умереть, значит, где там он будит. А она **как бы** их... ну, так, успоакоила (инф. МВЛ, Мехреньга – Холопя, 2005).

Неуверенность говорящего в содержании сообщения передают также вводные слова с соответствующей семантикой (*может, наверное*):

Ей-та **наверна кажеца**, што **наеву**, а это **наверно** во сне, я думаю, но ей та **кажеца**, што **наеву**, што муш приходит и иё ласкает, каждый день стал так ходить, паласкает там, побудет и уходит, ну и ей стало лекчи жить каг бы она, што мужа видит (инф. РНГ, Воезеро – Волковская, 2005).

Ну у меня такая мысль была, што, мол, мыши, это мне, **может**, там **показалось** чиво. Утром фстала – никаких мышей, ничё. У меня такая вот мысль, што го[во]рю: «Ой, мама пришла. Паведала дом» (инф. ПЛВ, Пакшеньга, 2011).

Таким образом, языковой способ выражения неуверенности, сомнения специализирован в мифологическом тексте для описания мистической ситуации контакта с мифологическим персонажем.

Как ни парадоксально, достоверная проза насыщена средствами выражения семантики недостоверности – в отличие от сказки с ее установкой на вымысел. Но именно различие в модальности текстов этих жанров и обуславливает, как представляется, эту особенность. В сказке, с ее особым, фантастическим, миром, нет необходимости что-то настойчиво утверждать или же выражать неуверенность.

Вот как это проявляется в лексике текстов – приведем количественные данные по двум наиболее употребительным в мифологическом тексте модальным лексемам *будто* и *вроде* (объем исследуемых корпусов мифологических текстов и сказок при этом соотносителен – примерно по 17 тыс. слов).

Таблица 1

Сравнительная характеристика
употребления слов *будто* и *вроде*
в мифологических рассказах и сказках

Лексемы	Количество словоупотреблений в корпусе мифологических текстов (АЛФ РГГУ)	Количество словоупотреблений в корпусе сказок
Будто	29	8 (1)
Вроде	8	1 (0)

В мифологических текстах все употребления лексем *будто* и *вроде* отмечены только в сочетании с перцептивной лексикой. В сказках такой закреплённости не наблюдается, поэтому в скобках приводится количество словоупотреблений в контекстах восприятия, – как видим, число этих слов в интересующих нас контекстах в сказках стремится к нулю.

На фоне сказочных текстов кажется, что частотность лексем *будто* и *вроде* в мифологических рассказах чрезвычайно высока. Чтобы получить более объективное представление об употреблении этих единиц, проведем сопоставление их частотности в корпусе мифологических текстов с общеязыковыми данными (см. табл. 2).

Как видим, частотность лексических единиц, маркирующих сомнение говорящего, в мифологических текстах значительно превышает общеязыковую – эти показатели почти в 10 раз выше для лексемы *будто* и более чем в 2 раза – для лексемы *вроде*.

Таблица 2

Анализ частотности употребления слов *будто*
и *вроде* в мифологических текстах

Лексемы	Частотность в мифологических текстах (АЛФ РГГУ)	Частотность по данным Частотного словаря русского языка ¹²
Будто	1700 ipm ¹³	173,8 ipm
Вроде	470,58 ipm	202,9 ipm

В то же время в мифологических рассказах в контекстах физического восприятия используются и сугубые лексические маркеры достоверности (*явно, наяву, въяву, въяво, четко, точно, в самом деле, вживую*). В их употреблении прослеживаются некоторые особенности.

Прежде всего обращает на себя внимание то, что эти лексемы часто сочетаются с показателями недостоверности *как, как будто* и т. п. (*как наяву, как на самом деле*). Ср.:

Мать-та пришла к ей <...> ноч'ёвать-то <...> она **чуёт**, што с йим она розговаривайёт <...> ну он **как на самом деле** к ей приходит <...> гьрит <...> **Как наяву** разговариват [вдова с мужем], а она не сказывала никому (инф. ЗАА, Хозьмино 2010).

А он приходит, гьт: «Дай мне нижний штаны». **Как наяву. Вижу**, как зашол и фсё. Во съне. <...> Адала вот людям спортивный косьтюм, полнасью одала. И больши он ни разу ни просил у миня штаноф. <...> Сам покойник ни ходит просить, а во съне. Во съне можот быть, а ить больши фсё эта дума своя. То и сон присьници такой. (инф. ПМА, Моша – Гавриловская 2004)

И он, говорит, стал ко мне ходить. Не то что вот **снитца**, а вот ходить, **как будто** вот *наяву* даже. По ноцам. Я, говорит, ложусь спать, и вот уже боюсь. **Посмотрю**, опять придёт (инф. БЛВ, Рягово-Лазаревская, 1998).

¹² Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009.

¹³ Общепринятая в мировой практике единица измерения частотности, которая представляет собой число употреблений на миллион слов корпуса (ipm – instances per million words).

[Не бывало такого, что после смерти кажется умерший?] Это мне дак вот, раза два наверное... Он **как будто** живой вот приходил... Ну это я **видела во сне**, но вот **как будь наяву** вот **видела** я, раза два после его, после... (инф. ШВА, Пакшеньга, 2011).

Такие конструкции (по сути, оксюморонные) выступают не столько средствами выражения уверенности или неуверенности говорящего в содержании сообщения, сколько маркерами необычности описываемой ситуации.

Выражению сомнения служит употребление лексем *явно, въяву, точно* в вопросительных предложениях:

А вот **точно** ли она приходила или нет... (инф. МВЛ, Мехреньга – Холопья, 2005).

Однако есть примеры употребления маркеров достоверности (*явно, наяву, въяву, четко, точно, живую, на самом деле*) в мифологических текстах в утвердительных предложениях, где они выполняют свое прямое назначение – выражать уверенность говорящего в сообщении. Анализ контекстов свидетельствует о том, что они используются для передачи самого факта восприятия мифологического явления, «утверждения» его истинности (без интерпретации и рассуждений рассказчика о природе этого явления). Ср.:

А потом вот **чётко, чётко** услышала, **каг бутто** вот как мама у миня вот раньше, значит, был стол, посредине стоял, стул тут стоял, она сидела, фсегда телевизор смотрела. На нём фсё. Телевизор так в углу стоял. И вот **каг бутто** стул, вот **чётко слышно** было, што стул отодвинули к столу... от стала, и придвинули опять (инф. ПЛВ, Пакшеньга, 2011).

Вот – как спать ложицы, а Иван [покойный муж] **смотрит** в окно! Вот, **наяву** (инф. САЯ, Благовещенск-Хайбутовская, 2009).

У меня вот отец умёр, а брат пришёу з гулянки. Вот это он **видеу**. <...> Раньше вить кроватей-то не было, доски постелют да постелю постелют к окну. А у нас окна-ти были наравне с этим... Петя-то только лёг. <...> В окно-то отец'-от. Петя-то как **посмотрю**: «Мама! – гърит, – татка, – гърит, – пришоу. Просиц'ё, чтобы я двери... ворота открыву». Он **видел въяво** [наяву], шо-от татка пришёу. <...> Мама сошла с леци да давай молитву читать. Молитву прочитала, больше он и не приходиу (инф. ААО, Хозьмино, 2010).

А у меня сын умёр <...> году <...> девеносто восьмой <...> Эшо сорок дней не было [из реплики другого сына, по-видимому, следует, что

сын умер в тот день, когда родился другой сын] <...> Ведро помойно вынёсла, утром рано <в>стала, ф пять часоф. Как **оглянулася**, стоит столбик белой вот там. <...> Столбик такой вот стоит белой, а я <...> машуся на ево [машет ведром]. Нет, стоит столбик. <...> Я к самому-то подошла, столбик-от вот эк лёк. <...> Оказалось, как звь... лиса или волк, вот такой серой, хвезд длиной, лиш тихонечно передо мной... под доски ушло туда. <...> Вот **въяву**. И чёво это? Сразу пень такой белой, ну, стубичёг белой. Белой-белой. <...> Эшо сорока дней не было (инф. ААО, Хозьмино, 2010).

Опять же, в сказочных текстах, для которых характерна иная модальность, чем в текстах мифологических, эти лексические маркеры достоверности почти не употребляются. Приведем количественные данные по наиболее употребительным единицам.

Таблица 3

Сравнительная характеристика употребления лексических маркеров достоверности в мифологических рассказах и сказках

Лексемы	Количество словоупотреблений в корпусе мифологических текстов (АЛФ РГГУ)	Количество словоупотреблений в корпусе сказок
Явно	2	0
Наяву	8	0
Въяву	2	0
Четко	3	0
Точно	3	4 (2) ¹⁴

Таблица 4

Анализ частотности употребления лексических маркеров достоверности в мифологических текстах

Лексемы	Частотность в мифологических текстах (АЛФ РГГУ)	Частотность по данным Частотного словаря русского языка ¹⁵
Явно	117,6 ipm	98,5 ipm
Наяву	470,58 ipm	5,5 ipm
Въяву (въявь)	117,6 ipm	--

¹⁴ В скобках приводится количество словоупотреблений, отмеченных в контекстах восприятия.

¹⁵ *Ляшевская О.Н., Шаров С.А.* Указ. соч.

Попробуем интерпретировать эти данные с использованием инструментария функциональной грамматики. Так, в исследованиях функционально-семантического поля «достоверность» в русском языке [ТФГ 1990, с. 157–170] описаны три типа категориальных ситуаций, различающихся по шкале уверенности говорящего в состоянии своего знания о мире:

1) ситуация простой (имплицитной) достоверности, которая выражается с помощью повествовательных предложений в индикативе без эксплицитных маркеров достоверности;

2) ситуация категорической (подчеркнутой) достоверности, которая возникает, когда требуется разрешить имеющиеся сомнения, и передается с помощью модальных модификаторов достоверности (*да, на самом деле, точно, впрямь, правда, верно* и др.);

3) ситуация проблематической достоверности, возникающая в условиях неполного знания, когда говорящий считает, что его знания о действительности недостаточны для утверждения истинности пропозиции. Ситуация выражается модальными лексемами (*кажется, вроде, как будто, что ли* и др.) [ТФГ 1990, с. 167–169].

В сказке, с ее установкой на вымысел, конструируется особый художественный мир, допускающий наличие фантастического, так что для описания такого рода событий вполне достаточно средств создания ситуации простой достоверности (т. е. ситуации первого типа). Имеющаяся же в мифологической прозе установка на достоверность, а также особенности хронотопа, соотносящегося или совпадающего с хронотопом рассказчика [Черванёва 2020, с. 103, 109–110], предполагают необходимость в особой маркированности сообщения о мистическом событии – как события, факт которого может быть подвергнут сомнению и которое, следовательно, воспринимается как невероятное. Как следствие, в мифологических рассказах представлены все перечисленные выше типы ситуаций, которые можно охарактеризовать как способы изображения мистического события.

Обратим внимание, что ситуации второго и третьего типа имеют сходные условия возникновения (ситуация сомнения, неуверенности) и выражают сходные смыслы, хотя и с помощью противоположных по семантике средств. Сам факт выражения данного значения лексическими средствами свидетельствует о том, что говорящий оценивает содержание высказывания как недостоверное или недостаточно достоверное. В.А. Белошапкина указывала, что только достоверность выражается в языке имплицитно – отсутствием показателей недостоверности, недостоверность же всегда получает эксплицитное выражение –

особыми лексическими показателями (модальными словами и частицами)¹⁶.

Отметим еще один важный момент. В мифологических рассказах наблюдается тенденция к закреплённости средств репрезентации перечисленных ситуаций достоверности за содержательными элементами мифологического текста. Так, средства моделирования ситуации проблематической достоверности употребляются достаточно широко и свободно – и в контекстах, где описывается мифологическое явление, и в тех случаях, где осуществляется его интерпретация как мистического. Для передачи же и описания самого факта восприятия используются средства категорической достоверности (*явно, наяву, въяву, четко, точно, живую, на самом деле*). Таким образом, уверенность в факте в сочетании с неуверенностью в характере события составляет специфику представления мистического содержания в мифологической прозе.

Литература

- Апресян 1995 – *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.
- Левкиевская 2008 – *Левкиевская Е.Е.* Быличка как речевой жанр // Кирпичики: фольклористика и культурная антропология сегодня: Сб. статей в честь 65-летия С.Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности. М.: РГГУ, 2008. С. 341–363.
- Померанцева 1968 – *Померанцева Э.В.* Жанровые особенности русских быличек // История, культура, фольклор и этнография славянских народов: VI Международный съезд славистов (Прага, 1968): Доклады советской делегации. М.: Наука, 1968. С. 274–292.
- Померанцева 1985 – *Померанцева Э.В.* Русская устная проза. М.: Просвещение, 1985. 271 с.
- Разумова 1993 – *Разумова И.А.* Сказка и быличка. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1993. 108 с.
- ТФГ 1990 – Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А.В. Бондарко. Л.: Наука, 1990. 262 с.
- Толстой 1995 – *Толстой Н.И.* Былички // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М.: Институт славяноведения РАН, 1995. Т. 1 (А–Г). С. 278–280.

¹⁶ Современный русский язык / Белошапкова В.А., Земская Е.А., Милославский И.Г., Панов М.В.; под ред. В.А. Белошапковой. М.: Высшая школа, 1981. С. 479.

Черванёва 2020 – Черванёва В.А. Между быличкой и сказкой: лингвистические маркеры жанра // Вестник славянских культур. 2020. Т. 56. С. 101–114.

References

- Apresyan, Yu.D. (1995), *Izbrannye trudy. T. 2: Integral'noe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected Works. Vol. 2. Integral description of the language and systemic lexicography], Shkola “Yazyki russkoi kul'tury”, Moscow, Russia.
- Bondarko, A.V. (ed.) (1990), *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'* [Functional grammar theory. Temporality. Modality], Nauka, Leningrad, Russia.
- Chervaneva, V.A. (2020), “Between the bylichka (belief legend) and folktales. Linguistic markers of genre”, *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 56, pp. 101–114.
- Levkievskaya, E.E. (2008), “Bylichka as a speech genre”, in Arkhipova, A.S., Gister, M.A. and Koz'min, A.V. (eds.), *Kirpichiki: fol'kloristika i kul'turnaya antropologiya segodnya: Sbornik statei v chest' 65-letiya S.Yu. Neklyudova i 40-letiya ego nauchnoi deyatel'nosti* [Bricks. Folkloristics and cultural anthropology today: Digest of articles in honor of the 65th anniversary of S.Yu. Neklyudov and the 40th anniversary of his scientific activity], Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, pp. 341–363.
- Pomerantseva, E.V. (1968), “Genre features of Russian belief legends”, in *Istoriya, kul'tura, fol'klor i etnografiya slavyanskikh narodov. 6 Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov (Praga, 1968): Doklady sovetskoi delegatsii* [History, culture, folklore and ethnography of Slavic peoples, 6th International Congress of Slavists (Prague, 1968). Reports of the Soviet delegation], Nauka, Moscow, Russia, pp. 274–292.
- Pomerantseva, E.V. (1985), *Russkaya ustnaya proza* [Russian oral prose], Prosveshchenie, Moscow, Russia.
- Razumova, I.A. (1993), *Skazka i bylichka* [Fairy tale and belief legend], Karelian Scientific Center RAS, Petrozavodsk, Russia.
- Tolstoy, N.I. (1995), “Belief Legends”, in Tolstoy, N.I. (ed.), *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary], vol. 1, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, pp. 278–280.

Информация об авторе

Виктория А. Черванёва, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 82; *viktoriya-cherwaneva@yandex.ru*

Information about the author

Victoria A. Chervaneva, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993;

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bld. 82, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119571; *viktoriya-cherwaneva@yandex.ru*